

Марлон Брандо чудовищно растопстел и только что снялся в роли психиатра

Известия. - 1994. - 20 июля - С. 2

Александр ШАЛЬНЕВ, «Известия»

Ему недавно исполнилось семьдесят, и ходит он с трудом. Но не от старости, а от безумного веса, перевалившего за полторы сотни килограммов. Удивительно, что он еще может сниматься. Его свежайшая роль — в ленте «Дон Жуан де Марко и фотомодель», в ленте, которая только-только отснята, но еще не смонтирована, не озвучена, не растиражирована. В ней он играет психиатра.

Марлон Брандо — а речь о нем — как бы возвращается к своим истокам, но не творческим, а житейским, обыденным. К тем временам, в конце 40-х, когда Бродвей ошалел от его блистательности в театральной постановке «Трамвай «Желание», сразу же сделавший молодого актера суперзвездой, а сам он почти ошалел от громкого успеха, от шумной известности и от стресса, который успех и известность на него обрушили. Мало кто знает, наверное, что тогда-то и пошел Брандо к психиатрам, с которыми он почти не расставался последующие десять лет.

Те, кто не приемлет Брандо — ни как человека, ни как актера (таких мало, но они есть), — до сих пор пытаются объяснять странностями его психики, нарушенной еще, видимо, в отрочестве, когда он чудовищно страдал от выходов своей матери, безнадежной алкоголички, все те эскапады, на которые актер обрекает миллионы и миллионы поклонников его таланта. Как замечает Питер Барт, главный редактор голливудского еженедельника «Вэрайти», «одна из проблем Брандо в том, что он ни с кем не может поддерживать разговора. Ты садишься, начинаешь с ним беседовать и — черт побери! — даже понять не можешь, что он несет. Он настроен на какую-то свою собственную волну, говорит на только ему понятном языке. Личность он в крайней степени невразумительная. Есть, конечно, те, кто будет утверждать обратное. Но они — лжецы. Английским языком он владеет очень посредственно, живет в каком-то совсем другом мире».

В документальном фильме «Марлон Брандо. Дикий», только что показанном по британ-

скому телевидению, «лжецами» были все, кроме самого Барта. И режиссеры, с которыми работал Марлон, включая и тех, кто от эксцентричности Брандо на съемочных площадках готов был сойти с ума, и актеры, с ним снимавшиеся, были единодушны: он — гений. Таких, как он, больше нет в сегодняшнем мировом кинематографе, а выходы его — чудачества величайшего мастера, пытающегося так развеять тоску, неизбежную в общении с серостью.

Режиссер Дмитрик, снимавший Брандо в «Молодых львах», назвал его «убийцей режиссеров». Назвал с добродушной, всепрощающей улыбкой. Марлону и вправду прощалось и прощается многое. И то, что он никогда не учит роль и всегда импровизирует, и то, что срывает и затягивает съемки, придираясь к мелочам и в результате вынуждая продюсеров нести астрономические убытки, и то, что собратьев-актеров очень редко считает себе равными, и что требует непомерные гонорары.

Когда Коппола приступал к «Крестному отцу», руководители студии, финансировавшей постановку, категорически воспротивились тому, чтобы на роль дона Корлеоне был взят Брандо. Копполе просто запрещали произносить имя Брандо вслух. Режиссер же верил в него безгранично, отстояв — где хитростью, где лестью, где угрозами — свой выбор.

«Люди, подобные Брандо, — говорит Энтони Хопкинс, британский актер, получивший «Оскара» за «Молчание агнцев» и относимый критиками к пятерке сильнейших исполнителей в сегодняшнем театре и кино, — появляются только раз в столетие».

ЛОНДОН.